

11. Бердяев, Н. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого / Н. Бердяев. – М.: Litres, 2009. – 220 с.

12. Сартр, Ж.-П. Тошнота / Ж.-П. Сартр. – М.: АСТ, 2019. – 320 с.

(Дата подачи: 17.02.2021 г.)

Ю. П. Серeda

Институт философии НАН Беларуси, Минск

Yuliya Serada

Institute of Philosophy of NAS of Belarus, Minsk

УДК 316.4

РИСКОГЕННАЯ РАЗМЕРНОСТЬ СОЦИОДИНАМИКИ: КОНЦЕПТУАЛЬНО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

RISK-TAKING DIMENSION OF SOCIAL DYNAMICS: CONCEPTUAL AND METHODOLOGICAL ASPECT

В статье анализируются контексты и специфика актуализации риска как маркера альтернативности и открытости исторического развития. Предпринимается попытка раскрыть особенности усиливающейся рискогенности, что сопряжено с процессами дискредитации доверия в обществе и с трансформацией коллективных и субъективных образов социодинамики. Автор определяет вектор конвертации нормативной модели современных обществ: концепт «хорошего», т. е. справедливого общества меняется на модель общества безопасности.

Ключевые слова: рискогенная реальность; социальная неопределенность; общество риска; безопасность; социальный кризис; альтернативность.

The contexts and specificity of the actualization of risk as a marker of the alternativeness and openness of historical development are analyzed in the article. The attempt to reveal the features of the increasing riskiness, which is associated with the processes of discrediting of trust in society and with the transformation of collective and subjective images of social dynamics is made. The author defines the vector of converting the normative model of contemporary societies: the concept of "good", i.e. fair society changes to the model of safety society.

Keywords: risk-taking reality; social uncertainty; risk society; safety; social crisis; alternativeness.

В активно меняющемся контексте взаимодействия глобальных и локальных обществ фактор комплексной нестабильности социальной действительности по-новому формирует ключевые сферы социума и социальные практики субъекта. Феномен риска структурно встраивается в системы социального и определяет специфику современного этапа общественного развития. В свою очередь, это позволяет обратиться к главным проблемам и несправедливостям современных обществ, а понятие безопасности воспринимается как приоритетное социальное благо, к которому недостаточно просто стремиться, но необходимо предпринять реальные управленческие шаги для его реализации.

Сегодняшняя логика функционирования современности демонстрирует радикальный переориентир общества от стремления к равноправному социальному устройству на стремление к безопасной жизни. В этом отношении можно

сделать вывод, что концепт риска разворачивается в широком контексте других философских понятий, таких как «доверие», «рациональность», «справедливость». В ситуации усложнения и обострения социальных коллизий закономерным представляется вопрос: организован ли мир рационально? Начало XXI в. убеждало нас, что мир скорее управляем, чем нет. В коллективных установках превалировала надежда на позитивное, благополучное будущее и, что немало важно, существование объективных гарантий этого. И в этом отношении свою решающую роль сыграло кардинальное и беспрецедентное технологическое развитие человечества. По меткому наблюдению итальянского философа и футуролога Франко Берарди, мы все же находимся в крайне противоречивом положении, поскольку «наша современность – это состояние захваченности ритмом, который больше не совпадает с человеческим. Акселерация инфосферы не дает нам возможности управлять рационально, по своему желанию процессами, в которые мы вовлечены. И мы реагируем на это панически, депрессивно. Депрессия становится самой прогрессирующей болезнью столетия» [1]. Мировые события последних лет и даже месяцев вынуждают согласиться с тем фактом, что идея общности любого уровня (общности истории, прогрессивного развития, общечеловеческих ценностей, наднациональных универсалий и пр.) оказывается не просто сомнительной, но, в сущности, нерелевантной по отношению к основным тенденциям развития обществ. Однако, следует заметить, что в дискредитации установки на рациональность социальной реальности можно выявить и положительный аспект: он заключается в смене исследовательской оптики и критических инструментов (ре)визии социального. Это представляется существенным, и в данном контексте солидаризируемся с Ш. Мельманом, который справедливо отмечает, что «вера в рациональный мир иногда априори не оставляет возможности мыслить Другого, не позволяет представить мир непредсказуемым, миром, который не объединяется никакими великими схемами» [2, с. 74]. Так, мнимая телеологичность исторического развития инициирует возможность актуализировать критическую рефлексию, предпринять попытки для прояснения сущности современных реалий и, возможно, выстроить более гибкую и адекватную логическую матрицу, сообразно которой можно сформировать проект/модель/прогноз будущности, очертить горизонт ее приемлемых перспектив для человечества. Свою особую роль в реализации данной задачи играют современные исследования, посвященные специализированному анализу рискогенности как базовой характеристики социального мира.

В общепризнанном смысле риск можно определить как вероятность, возможность опасности. Ведущий американский теоретик-рисколог Ю. Роза дает следующее определение риска – это «событие или ситуация, в которых нечто ценное для человека, включая его собственную жизнь, поставлено на карту, и последствия этого события (ситуации) являются неопределенными» [3, р. 11]. В этом отношении можно говорить, что риск включает в себя несколько основных аспектов:

- 1) риск есть мера предполагаемой в будущем опасности;
- 2) риск есть действие, предпринимаемое субъектом в условиях неопределенности; и, наконец,
- 3) риск есть непосредственно ситуация/момент выбора.

Белорусская исследовательница современных теорий риска доктор философских наук Я. С. Яскевич уточняет, что риск представляет собой «такой

вид деятельности, который осуществляется в ситуациях обязательного выбора, нацеленного на снятие неопределенности и на вероятностное достижение желаемого результата (выигрыша), альтернативой которому может выступать вероятность неуспеха (неудачи, проигрыша), обуславливающие вероятность трансформации поставленной цели (как с положительным, так и с отрицательным векторами)» [4, с. 70]. Как комплексный феномен социальной системы риск выражает предельность способности субъекта контролировать и управлять.

Так, представляется важным прояснить, что означает рискогенность как социальный феномен, равно как ответить на вопрос, является ли она реальностью или социальным конструктом. В этой связи, условно можно выделить два основных подхода: техно-реалистический и социокультурный. Первый подход ориентирован на понимание риска как исчисляемого вреда, который можно объективно измерить и в итоге калькулировать в технических и статистических терминах и показателях. Данный подход применяется, главным образом, в когнитивных науках, психологии, экономике, статистике, инженерных дисциплинах. В свою очередь второй подход – социокультурный – фокусируется на трансформациях рискологического характера, которые имманентно вплетены в ткань социальной системы, поскольку любое общество продуцирует риск; не существует общественной системы без рисков. Кроме того, можно согласиться, что «будущее никогда не бывает простым предсказанием или беспроблемной экстраполяцией того, что происходит сегодня. Никакого пустого будущего, которое только и ждет того, чтобы быть заполненным, не существует» [5, с. 288]. В рамках данной статьи, на наш взгляд, необходимо обратиться к рассмотрению социокультурного направления, в котором можно выделить три генерализующие концепции, исследующие риск как феномен социального порядка и методологически дополняющие друг друга.

Наиболее концептуально проработанный подход к феномену риска представлен крупнейшим социологом и политическим философом современности У. Беком. Он ввел в научный оборот такие понятия, как «общество риска», «вторая модернизация» и «рефлексивная модернизация». Несмотря на то, что свою программную работу «Общество риска. На пути к другому модерну» У. Бек написал более 30 лет назад, ключевые идеи, изложенные в ней, остаются актуальными и в современных реалиях, а полемический формат самой книги задает особый вектор всех последующих исследовательских проектов, посвященных теме риска.

Согласно У. Беку, основополагающую роль в усилении явной рискогенности социальной реальности сыграло глобальное техническое развитие и, как следствие этого, ускорение процессов модернизации обществ. Риск интерпретируется им как перманентное взаимодействие общества с опасностями, которые создаются благодаря «негативной» логике модернизации. Анализируя главные источники актуализации механики современных рисков, исследователь также отмечает, что «риски порождаются индустриальными, то есть технико-экономическими решениями и соображениями полезности. Современные риски отличаются от разрушений, порожденных войной, их «нормальным» или, точнее, их «мирным» порождением (производством) в центрах рациональности и процветания, с благословения и при гарантиях закона и социального порядка» [6, с. 98]. У. Бек настаивает на рекурсивности риска, на его повторяемости и воспроизводимости самой социальной системой. Другими словами, общество является

главным генератором риска, именно оно продуцирует различные формы репрезентации рисков, поэтому ликвидировать риски не представляется возможным, их можно только минимизировать. «Риски раньше или позже настигают и тех, кто их производит или извлекает из них выгоду. Риски, распространяясь, несут в себе социальный эффект бумеранга: имеющие богатство и власть тоже от них не застрахованы. Скрытые до поры до времени «побочные воздействия» начинают поражать и центры их производства» [6, с. 25]. Риск предстает как комплексное слагаемое общественной жизни, поэтому, по мысли У. Бека, его проект рефлексии риска ориентирован, прежде всего, на актуальную «общественную теорию», способную помочь эксплицировать проблемные стороны, в том числе и социальной практики. Несомненно, вскрываемые исследователем внутренние антагонистические взаимоотношения между индустриальным обществом и «обществом риска», децентрируют расстановку социальных приоритетов и свидетельствуют о формировании нового ценностно-нормативного горизонта общественной сферы. Так называемые «выгоды» научно-технического прогресса демистифицируются и ставятся под сомнение новыми «модернизационными» рисками. Вследствие этого должны быть изменены и возможные механизмы обеспечения устойчивой безопасности.

Еще один теоретический подход к риску, заслуживающий внимания в рамках данной статьи, представлен немецким социологом Н. Луманом. В своей работе «Понятие риска» он концентрирует внимание на субъективном аспекте актуализации риска в социальной системе. Исследователь полагает, что современное рискованное поведение вообще не вписывается в схему «рационального/иррационального» [7]. Поэтому для спецификации риска он обращается к рассмотрению дихотомии «рациональность-иррациональность» и «норма-отклонение». Его интересует вопрос рефлексивности принимаемых субъектом решений, которые неизбежно влекут за собой рискованные последствия. «Чтобы удовлетворить обоим уровням наблюдения, мы намерены придать понятию риска иную форму с помощью различения *риска* и *опасности*. Различение предполагает... что существует неуверенность [*Unsicherheit*] относительно будущего ущерба. Здесь есть две возможности. Либо возможный ущерб рассматривается как следствие решения, т. е. вменяется решению. Тогда мы говорим о риске, именно о риске решения. Либо же считается, что причины такого ущерба находятся вовне, т. е. вменяются окружающему миру. Тогда мы говорим об опасности» [7, с. 150]. Именно поэтому принципиальным пунктом представляется задача прояснения, кто в обществе (какие личности/группы/социальные институты) предпринимает управленческие шаги, кому принадлежит авторство социальных решений, кому/чему отдается приоритет при выборе окончательного решения. Н. Луман также подчеркивает, что не следует в научном осмыслении риска воспринимать его в контексте абсолютизации: не существует ни абсолютной безопасности, ни гарантированной надежности. Это весьма существенное дополнение к аналитическому рассмотрению современных рисков и попыток методологически проработать стратегии их нейтрализации/минимизации. Н. Луман намеренно универсализирует понятие риска, но при этом стремится исследовать и конкретизировать социальные условия, при которых риск в принципе возможен. Ключевой вывод исследователя – рискованная размерность актуализируется лишь тогда, когда нечто трактуется как рискованное (действие, ситуация, обстоятельство, фактор).

Новый импульс научный рискологический дискурс получил благодаря концепции британского социального теоретика Э. Гидденса, который во многом методологически солидарен с вышеперассмотренными авторами и считает, что рискогенность является неотъемлемой характеристикой современного общества, а риски являются производными исключительно человеческой деятельности. «В среде, где больше нет рока, любая деятельность, даже строго увязанная с установленными образцами, в принципе исчисляется в понятиях риска, т. е. поддается своего рода общей оценке степени ее рискованности с точки зрения возможных результатов. Вторжение абстрактных систем в повседневную жизнь вкупе с динамичной природой знания означает, что осознание риска проникает в деятельность практически каждого человека» [8, с. 109]. В рабочее определение риска, по его мнению, необходимо должны быть включены следующие элементы: опасности, которые продуцируются самой рефлексивностью современности; угроза физическому существованию самого человека; опасность формирования устойчивой бессмысленности человеческой жизни [8, с. 102]. Однако, несмотря на то, что современные общества становятся более уязвимыми, данный автор настаивает на оптимистической модели социальной эволюции общества, главным достижением которой будет обеспечение реальной безопасности. Помимо критического анализа «институционализированных сред рисков» Э. Гидденс обращается к проблеме отсутствия необходимого экспертного знания как исследовательского ресурса, который позволил бы осуществлять актуальный мониторинг и управление современными рисками. Можно сделать вывод, что в современных социальных системах феномен риска интерпретируется в качестве структурного основания, продуцирующего все новые зоны нестабильности и опасности. При этом в уже имеющемся опыте социального взаимодействия отсутствуют «готовые дорожные карты» управления рисками и социальными кризисами.

Так или иначе, благодаря исследовательским усилиям вышеперассмотренных авторов, можно обозначить генеральную линию трансформации нормативной модели современных обществ: концепт «хорошего», т. е. справедливого общества меняется на модель общества, стремящегося к безопасности. В своей работе «Век» философ А. Бадью задается вопросом о том, как возможно помыслить XX век с философских позиций, объективно и непредвзято. Можно согласиться с ним, что задача критической рефлексии современности состоит в том, чтобы прояснить идеи, заложенные и реализуемые в социуме. «Вопросом для нас, философов, является не то, «что произошло на протяжении века», а то, что думалось. Что из того, что мыслилось людьми этого века, не было простым развитием мысли предшествующей эпохи? Какие мысли не были получены в наследство? Мыслилось ли то, о чем раньше не мыслили и даже считали немислимым?» [9, с. 2]. В XX в. масштабы осмысления безопасности не были столь впечатляющими. Конечно, это было время усиленной интеллектуальной работы не с рисками как вероятностями, а с произошедшими наднациональными катастрофами, с абсолютными трагедиями. Этот исторический период оказался беспредельно нечеловечным. И в общечеловеческие культурные коды закладывалось императивное предостережение, заново прописывались и реактуализировались базовые права и свободы. Начало нового тысячелетия при всех своих скорее неожиданных, чем планируемых эволюционных прорывах, тем не менее, давало большую надежду на реализацию максимальных возможно-

стей рациональности, на продвижение приоритета универсальных ценностей, основной смысл которых должен быть априори понятен без легитимирующих их разъяснений. Сложившаяся в начале 2000-х гг. интеллектуальная атмосфера задавала определенный проблемный контекст большинства социально-философских исследований. В это теоретическое поле были включены, например, проблемы глобализации и транзитивности локального, массового потребления, трансформации коммуникации, постколониализма, антропологического кризиса и т. д. Тем не менее, имеющийся в распоряжении сегодняшнего исследователя методологический и теоретический инструментарий не совсем соответствует реальному развитию социального мира. Наши предшественники не смогли сформировать комплексный, более гибкий и чувствительный к актуальным изменениям «органон» для социально-критической рефлексии. В итоге, мы лишь следуем за трансформациями *post factum*, но не прогнозируем, не задаем вектор их поворота. Прошлый век оставил нам в наследство стремление управлять рисками и максимально их сократить, в этом должно было помочь развитие науки и информационно-технологические новшества, но сегодня в ситуации мировой пандемии мы видим, что риски фактически не поддаются управлению, их становится все больше, они обретают латентный и неизмеримый формат, быстро видоизменяются. Безусловно, признание тотальности риска в социальной реальности инициирует поиски механизмов его управления. Риск словно структурное производное глитчинга (дефекта или сбоя), он есть не что иное, как выпадение из упорядоченности, он аккумулирует в себе совокупность всего принципиально неучитываемого и несобираемого в структурированные целостности.

Таким образом, риск тесно сопряжен с рационализацией, с попытками построить прогноз, осуществить предварительную оценку ситуации. В свою очередь, безопасность можно интерпретировать как основание рационально-критической стратегии развития современных обществ. В целом, рискологический подход позволяет более пристально взглянуть на предпосылки новых трансформационных смещений и вместе с этим расширить и детализировать перспективу теоретического видения современных глобальных изменений. Представляется, что сегодня мы должны говорить не об «обществе риска», а об «обществе безопасности». Это новый социальный конструкт, которому необходимо придать общественно-историческое значение, чтобы избежать формирования «общности страха», упоминаемой в работах У. Бека.

В заключение, следует отметить, что благодаря теоретическим разработкам У. Бека, Н. Лумана и Э. Гидденса тематизация риска была развернута в сторону комплексной диагностики современных метаморфоз общественного бытия и масштабного теоретизирования современности в целом. Философская концептуализация рискогенности позволяет сделать вывод о разнообразии форм ее объективации и проявлений, о ее глубокой интегрированности в практики социальных действий. Динамика опасности не признает никаких границ: ни государственных, ни территориальных, ни культурных. В таком контексте появляющиеся социальные диспозиции – это не есть проявления тотального хаоса, а скорее симптомы того, что есть некоторые разрывы, которые ретроспективно станут новыми вехами развития общества. С одной стороны, в основу саморефлексии социального должен быть заложен принцип многих логик – альтернативных теорий, многовариантность, которые базируются на идее плюральности окружающего мира и её действительной репрезентации в разных сферах

и аспектах социума. С другой стороны, несмотря на то, что представляется возможным выявить модус рекурсивности риска, его повторяемости, нельзя не учитывать проблемный характер ревизии понятия риск в виду превалирования фонового допущения о явном поглощении идеологией безопасности и защиты любых проявлений рискогенности объективной реальности. Ключевая интеллектуальная интенция общих наборок по теме риска заключается в том, что социальное доверие можно определить как ресурс безопасности и самосохранения социальной системы, следовательно, его укрепление должно быть заложено в основание стратегий устойчивого развития общества.

Список использованных источников

1. Франко «Бифо» Берарди: «Депрессия – самая прогрессирующая болезнь столетия» [Электронный ресурс]. – 2021. – Режим доступа: <http://www.colta.ru/articles/society/12939>. – Дата доступа: 10.02.2021.
2. Салецл, Р. Тирания выбора / Р. Салецл. – М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2014. – 160 с.
3. Rosa, Eu. Metatheoretical Foundations for Post-Normal Risk / Eu. Rosa // Journal of Risk Research, 1998. – № 1(1). – Р. 15–44.
4. Яскевич, Я. С. Рискогенное общество в контексте глобальных геополитических стратегий / Я.С. Яскевич // Век глобализации. – 2014. – № 2. – С. 65–77.
5. Урри, Дж. Как выглядит будущее? / Дж. Урри; пер. с англ. А. Матвеевко. – М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2018. – 320 с.
6. Бек, У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек; пер. с нем. В. Седельника, Н. Федоровой. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 383 с.
7. Луман, Н. Понятие риска / Н. Луман; пер. А. Ф. Филиппова // THESIS. – 1994. – № 5. – С. 135–160.
8. Гидденс, Э. Судьба, риск и безопасность / Э. Гидденс // THESIS. – 1994. – № 5. – С. 107–134.
9. Бадью, А. Век / А. Бадью. – М.: Логос, 2016. – 224 с.

(Дата подачи: 25.02.2021 г.)

И. Н. Сидоренко

Белорусский государственный университет, Минск

I. N. Sidorenko

Belarusian State University, Minsk

УДК 1(091)

ЗАРОЖДЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ ИДЕИ ИСТОРИЧНОСТИ В КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

BIRTH AND EVOLUTION OF THE IDEA OF HISTORICITY IN CLASSICAL PHILOSOPHY

В статье осуществлена историко-философская реконструкция генезиса идеи историчности в классической философии, в процессе которой были выделены три основных этапа ее эволюции, тематизации и преобразования в философское понятие. Идея историчности высвечивает многие грани проблемного поля как философии, так и современ-